

ВАЛЕРИЙ СКЛЯРОВ
Гданьский университет

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ *ШИНЕЛЬ*

1.

Пожалуй, ни один персонаж в истории русской литературы не подвергался такому радикальному переосмыслению, как главный герой повести Николая Васильевича Гоголя *Шинель* Акакий Башмачкин. Трактовка этого образа в трудах критиков и литературоведов менялась от полного отторжения у Николая Чернышевского, считавшего Акакия Башмачкина «совершенным идиотом»¹, до поднятия на один уровень со святым мучеником у Фридерика Дриссена² и Клауса-Дитера Зеемана³, усмотревших в чертах гоголевского персонажа прототип героя житийной литературы.

Появление Акакия Башмачкина положило начало новому направлению в русской литературе, во главе которого позднее встал Федор Достоевский. Тема «маленького человека» была воспринята современниками Николая Гоголя как эталон гуманизма натуральной школы. За два-три года после его смерти было опубликовано около 150 повестей о бедном чиновнике такими разными писателями, как Некрасов, Афанасьев, Даль, Зотов, Панаев, Корф, Григорович, Пальм, Соллогуб, Нестеренко. Эта одержимость образом Акакия Башмачкина позволила ли-

¹ Н.Г. Чернышевский, *Литературная критика* // того же, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 3, Москва 1974, с. 270.

² F.C. Driessen, *Gogol as a Short-Story Writer: A Study of His Technique of Composition*, Mouton & Co, The Hague 1965, с. 194.

³ K.-D. Seemann, *Eine Heiligenlegende als Vorbild von Gogol's «Mantel»*, «Zeitschrift für slavische Philologie» 1967, №1, с. 21.

тературоведам говорить о «засилье маленького человека» в литературе конца XIX века⁴. Однако и XX век русской литературы так же оказался укрыт гоголевской «гранитной шинелью». Под ее покровом оказались не только Булгаков и Хармс, но и Маяковский, Ахматова, Замятин, Белый, Хлебников. Гоголя считали своим предтечей и реалисты, и представители литературного авангарда, а позднее идеологи социалистического реализма.

XXI век русской литературной критики начался с поисков религиозного дискурса в поэтике Гоголя и попыткой проникнуть в духовный смысл *Шинели* с точки зрения церковного писания и предания. У автора *Вия*, *Страшной мести*, *Мертвых душ*, породившего целую плеяду демонических образов и столько раз упоминавшего черта в своей речи, что его чертыхания «прилипли» не только к Александру Пушкину, но и вообще «вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда ранее не бывали»⁵, исследователи разглядели «агиографические мотивы» и признали, что «религиозный смысл *Шинели* очевиден, непреложен, он глубоко пронизывает весь состав повести»⁶.

Таким образом за последние 175 лет образ Акакия Башмачкина в трудах литературоведов эволюционировал от маленького человека до праведника, а жанр *Шинели* — от литературного анекдота до жития. Однако если личная высокая степень религиозности Гоголя не вызывает сомнений, а его активное воцерковление на последнем этапе жизни очевидна, то тезис о «непреложности» религиозного смысла его прозы очевиден не настолько.

Обратимся к дискурсу литературоведов, чтобы познакомиться с предложенной аргументацией в пользу присутствия агиографических мотивов в данном произведении.

2.

Фредерик Кристоффель Дриссен (Frederick Christoffel Driessen)⁷ еще в 1955 году высказал предположение, что небесным покровителем Акакия Башмачкина является подвижник шесто-

⁴ О.Л. Калашникова, *Шинель и ее современники*, <http://domgogolya.ru/science/researches/1019/> (02.05.2018).

⁵ В. Стасов, *Воспоминания*, «Русская старина» 1881, № 2, с. 415.

⁶ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений*, http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/du-naev/ (29.04.2018).

⁷ F.C. Driessen, *Gogol' als novelist...*, с. 186.

го века Акакий Синайский, а в 1966 году Клаус-Дитер Зиманн (Klaus-Dieter Seemann) уточнил⁸, что житие этого святого Гоголь мог найти в *Лествице* Иоанна Синайского (Лествичника). Известно, что *Лествица* была настольной книгой Гоголя не только в период написания *Шинели* и возможно его вдохновляло повествование о святом Акакии свт. Димитрия Ростовского, *Прологе* и других житийных сборниках.

Позднее Валентина Ветловская выдвинула предположение⁹, что имя и судьба гоголевского героя восходят не только к житию святого Акакия Синайского, но и отсылают нас еще к одному житийному тексту — житию мученика Акакия (конец III—начало IV в.). Вполне возможно, что Николай Гоголь оперировал сразу двумя этими прототипами и именно отсюда, а не только для создания «более комичного акустического эффекта», как уверял Борис Эйхенбаум¹⁰, имя и отчество героя Акакий Акакиевич. Возможно, что Башмачкин назван Гоголем в честь Акакия — мученика VI века и носит отчество Акакия — мученика III века.

Обнаружив предполагаемых прототипов Акакия Башмачкина в *Лествице*, исследователи начали сравнивать их биографию с судьбой литературного персонажа и на первый взгляд обнаружили много общего. Акакий Синайский, к примеру, прославился подвигом послушания: «По смерти Акакия навестил другой благочестивый старец, который не поверил слухам о смерти послушника, отправился к гробу и спросил: «Брат Акакий, умер ли ты?» И услышал в ответ: «Отче, как можно умереть делателю послушания?»¹¹.

Акакий Сотник, иначе называемый Акакий Каппадокиянин, мужественно исповедовал себя верующим во Христа. Принуждая его отречься от веры, военачальники морили Акакия голодом и приказали избивать его, но мученик оставался невредим:

После этого его отправили к другому военачальнику — Флаккину. Но Флаккин возмутился, что римского центуриона, подвергали таким жесто-

⁸ K.D. Seemann, *Eine Heiligenlegende...*, с. 9.

⁹ В.Е. Ветловская, *Житийные источники гоголевской «Шинели»*, «Русская литература» 1999, № 1, с. 18–34.

¹⁰ Б.М. Эйхенбаум, *Как сделана «Шинель Гоголя»*, <http://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html> (27.04.2018).

¹¹ *Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству ЧЕТЫХ-МИНЕЙ архиепископа Филарета Черниговского*, Сибирская Благозвонница, Москва 2011, с. 26.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

ким пыткам и приказал немедленно обезглавить мученика Акакия. Поблагодарив Бога за то, что сподобился принять за Него мученическую смерть, святой воин со спокойствием преклонил голову под меч¹².

Что касается чудес, то в случае Акакия Сотника они проявились в появлении ангелов, которые кормили и лечили его в темнице на глазах других узников. Здесь очевиден подвиг исповедания веры, терпения и мученической смерти.

«Подвиги» Акакия Башмачкина, «совершаемые» им на протяжении всего повествования («аскеза», «послушание» распоряжениям начальства, «кротость» и «смирение»), наряду с житийной символикой его имени выдвигаются сторонниками данного прочтения повести на первый план в качестве аргументации для обоснования отнесения повести к жанру жития. Структура повести, которая имеет жесткую схему композиции канонического жития, в том числе содержит биографию героя, ведется от третьего лица, указывает на избранность героя, описывает его «духовный подвиг», а так же включает обязательное описание посмертных чудес, являющихся обязательным условием канонизации святого, так же позволяет исследователям утверждать о наличии в повести житийных мотивов.

Действительно, как и в житии святого мать героя *Шинели* следует традиции называть ребенка по святым, трижды предлагающим назвать младенца редкими и неблагозвучными именами. Увидев в этом знак свыше, она нарекает младенца именем отца. Здесь автор указывает на неизбежность дальнейшей судьбы героя, как бы подчеркивая его избранность. Акакий Башмачкин вроде бы происходит от благочестивых родителей, несет обет безбрачия, живет отшельником, совершенно отгородившись от мира переписыванием бумаг, в котором видит какой-то высший смысл, безропотно несет свой крест службы в департаменте. Башмачкин отречен от всего земного, вроде бы не заботится во что одеться и чем питаться, он незлобив, кроток, с каким-то видимым смирением переносит насмешки сослуживцев, ревностно исполняет распоряжение начальства. На первый взгляд образ Башмачкина вполне соответствует евангельским добродетелям — книжности, смирения, терпения, самоуничтожения. Даже его косноязычие, которое принимается

¹² Акакий Сотник // Православная энциклопедия, <http://www.pravenc.ru/text/63804.html> (28.04.2018).

исследователями за библейский мотив «безгласности» и «бессловесности», восходящий к образу пророка Моисея, обычно иллюстрируются цитатами из жития того же Акакия Синайского, который на вопрос о самочувствии часто просто показывал следы побоев на своем теле.

Однако финал повести, а именно «посмертные подвиги» Акакия Башмачкина, никаким образом не укладывается в житийный канон, и тут исследователи пускаются в рассуждения, пытаются объяснить такое странное поведение гоголевского «святого».

Исследовательница Чинция Де Лотто выдвинула предположение¹³, что Башмачкин это «натуральный инок», который соблюдает все монашеские правила «по самой своей природе», но, поддавшись искушению приобрести новую шинель, переходит к служению «нечистой силе», тем самым переходя от состояния святости к состоянию греховности.

Литературовед Сергей Бочаров видит в повести *Шинель* аллюзии на ветхозаветный сюжет о первородном грехе: «И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаные: и облече их», а образ Петровича возводит к образу змея-искусителя, открывшего по-евангельски чистому Башмачкину «две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо»¹⁴.

Литературоведческая концепция Павла Бухаркина строится на предположении, что сюжет *Шинели* восходит ко Христовой заповеди: Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6, 19–21). Стремление героя повести приобрести новую шинель автор статьи трактует исключительно как результат «разврата и растления»¹⁵.

Александр Пивоваров так же утверждает, что *Шинель* повествует о грехопадении Акакия Башмачкина: «Сюжет произведения структурно повторяет библейский сюжет: прельщение (ложными благами) — грехопадение — лишение (всяческих благ)

¹³ Ч. Де Лотто, *Лествица «Шинели»*, «Вопросы философии» 1993, № 8, с. 60.

¹⁴ С. Бочаров, *Холод, стыд и свобода: (История литературы sub specie Священной истории)*, // «Вопросы литературы» 1995, № 5, с. 126–157.

¹⁵ П. Е. Бухаркин, *Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: проблемы культурного диалога*, Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 1996.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

— гибель»¹⁶, — поэтому одержимость Башмачкина одеждой трактуется исследователем как нарушение евангельской заповеди.

Исследователь Юрий Манн, напротив, не согласен с тенденцией причислять Акакия Башмачкина к числу христианских подвижников, совершивших грехопадение¹⁷. Ученый утверждает, что Башмачкин близок по своему психологическому типу к юродивому, однако поскольку его юродство не имеет целеполагания — сознательно никакого обета Башмачкин на себя не принимал — то скорее всего его можно отнести к блаженным. В этом случае героя вряд ли стоит обвинять в грехопадении, поскольку действия его довольно инфантильны и больше напоминают действия ребенка, не представляющего всех последствий своего поступка.

Таким образом агиографические мотивы, которые современные исследователи находят в повести Гоголя, в основном интерпретируются следующим образом: или Акакий Башмачкин святой, изменивший своему аскетическому подвигу, или человек блаженный, не ведающий греха. Персонаж, безусловно, несчастный, но исключительно положительный, достойный сочувствия, а может даже и причисления к лику святых.

Примечательно однако, что исследователи игнорируют один факт: житийная структура повествования формально соответствует так же и структуре антижития.

3.

Уже в древнерусской литературе существовала традиция создания образов антигероев, а жанр антижития был широко известен. В статье Людмилы Черной *Элементы антижития в Повести о Темир Аксаке* указаны отдельные элементы этого жанра, которые исследовательница видит в образах «безбожного» хана Батыя в *Повести о разорении Рязани Батыем*, Чолхана в *Повести о Щелкале*, князя Олега Рязанского в *Повести о Куликовской битве*, Темир Аксака в *Повести о Темир Аксаке*. Исследовательница обнаруживает структуру образа антигероя, который, в отличие от героя положительного, («святого») должен:

¹⁶ А.Б. Пивоваров, *Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель»*, «Источниковедение в школе» 2009, № 1-2, с. 108.

¹⁷ Ю.В. Манн, *Карнавал и его окрестности*, «Вопросы литературы» 1995, № 1, с. 182.

1) «происходить от гнилого родового корня» — иметь «подлое» рождение; 2) имитировать «уход из мира»; 3) под личиной «боголюбия» скрывать свое безбожие; 4) обладать такими чертами характера, как «немиловитость», гордыня (ярость), алчность, злоба, внутреннее уродство; 5) заключить договор с дьяволом и поклоняться ему как богу; 6) вместо чудес, присущих святым, совершать злодеяния; 7) после его смерти от его могилы должен исходить смрад (вместо благоухания)¹⁸.

Почти все указанные здесь признаки антижития мы можем увидеть и в позднейшей редакции антижития Никона, написанного старообрядцами. Еще при жизни знаменитого патриарха — реформатора русской православной церкви — его оппоненты записали множество устных рассказов о нем, ходивших в народе. На основе этих рассказов дьяконом Федором Ивановым, соратником протопопа Аввакума, было создано сказание о патриархе Никоне, сохранившееся в заверенной автором копии под названием *О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеца антихристов*¹⁹.

Литературовед Людмила Камедина в своей работе «Текст в диалоге с читателем» рассуждает о развитии жанра жития в русской литературе, который сначала трансформировался в апокриф, возникший как рефлексия по поводу прочитанного в каноне, а позднее модифицировался в антижитие в тот момент, когда: «Литература создала автономную реальность, это особая реальность, отличная от иной реальности и, прежде всего, от реальности быта и культа»²⁰. Пришло время, когда словесное искусство стало отражать не только мир культуры, но и мир антикультуры, для формирования которой авторам потребовалось создание антитекста:

То, что в каноне понятно всем, при разрушении канона во многом становится неясным, исчезает понимание. Появляется то, что в литературоведении принято считать антитекстом. Это может быть любой текст, созданный в парной оппозиции: молитва—антимолитва, утопия—антиутопия, житие—антижитие²¹.

¹⁸ Л.А. Черная, *Элементы «антижития» в «Повести о Темир Аксаке» // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3–5 окт. 2001 г.)*, РФК «Имидж-Лаб» Москва 2002, с. 157–163.

¹⁹ Н.Ю. Бубнов, *Старообрядческое «антижитие» патриарха Никона*, <http://www.starover.religare.ru/article7783.html> (29.04.2018).

²⁰ Л.В. Камедина, *Текст в диалоге с читателем. Опыт прочтения русской литературы в начале третьего тысячелетия*, Издательство ЗабГГПУ, Чита 2009, с. 66.

²¹ Там же, с. 65.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в своей статье *Смеховой мир Древней Руси* уделяет особое внимание законам построения антитекста и подчеркивает его нейтральный по отношению к вопросам религии характер, объясняющийся существованием в параллельном с ней мире:

«Служба кабаку» изображает кабака как церковь, в то время как «Калужинская челобитная» изображает церковь как кабака. Оба эти произведения отнюдь не антицерковны, в них нет издевательства над церковью как таковой. Во всяком случае, его ничуть не больше, чем в Киево-Печерском патерике, где бесы могут появляться то в виде ангела, а то в виде самого Христа. С точки зрения этого «изнаночного мира», нет богоульства и в пародировании «Отче наш»: это не пародия, а антимолитва²².

Жанр антижития в русской литературе занимает свое законное место, а кроме перечисленных произведений исследователи относят к этому жанру и само *Житие протопопа Аввакума*, и роман Чернышевского *Что делать?*, и еще целый ряд литературных памятников.

Возвращаясь к повести Гоголя *Шинель*, предлагаю еще раз проанализировать текст на основе структуры образа антигероя, предложенной Людмилой Черной, и разобраться, является ли Акакий Башмачкин героем жития, или антижития.

4.

Давайте еще раз внимательно сопоставим характерные признаки героя антижития, обязательно присутствующие в произведениях подобного жанра, и проверим, насколько характер и поведение Акакия Башмачкина им соответствуют. Итак, герой антижития обладает следующими качествами:

А. Происходит от гнилого родового корня — имеет «подлое» рождение.

В тексте *Шинели* есть фрагмент, посвященный происхождению фамилии рода Башмачкиных, на который исследователи реже всего обращают внимание, поскольку имя и отчество главного героя поддаются интерпретации легче:

²² Д.С. Лихачев, *Смех в Древней Руси*, Наука, Ленинград 1984, с. 20.

Фамилия чиновника была Башмакин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмакины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки²³.

Фамилия произошла от башмака, хотя все Башмакины ходили в сапогах. Каким образом этот башмак прокрался в «благородное семейство» — не понятно, рассказчик сам изображает удивление, но не тратит времени на выяснение этого обстоятельства, только обозначив мотив незаконнорожденности, «подлого», побочного происхождения Акакия Башмакина.

Рассказчик многословен, он пытается все получше объяснить, но его желание показать семью Башмакиных и близких к ней людей только с положительной стороны приводит к обратному эффекту:

Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова²⁴.

«И очень хорошая женщина» и «женщина редких добродетелей» — эти эпитеты матери и крестной Акакия исследователи принимают всерьез и именно на их основе делают выводы о происхождении Башмакина «от благочестивых родителей», однако гоголевские эпитеты никогда не следует воспринимать буквально, это сарказм, блестящие примеры которого мы уже видели в *Мертвых душах*:

Будем называть даму, к которой приехала гостя, так, как она называлась почти единогласно в городе N.: именно, дамою приятною во всех отношениях. Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! [...] Другая же дама, то есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама²⁵.

²³ Н.В. Гоголь, *Петербургские повести*, Хабаровское книжное издательство, Хабаровск 1984, с. 127.

²⁴ Там же, с. 128.

²⁵ Н.В. Гоголь. *Мертвые души*, Детская литература, Москва 1968, с. 214.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

Точно так же, как «дама приятная» и «дама приятная во всех отношениях» не являются приятными ни в одном отношении, и автор сам подробно объясняет почему это так, то и две другие гоголевские дамы и господин из *Шинели* носят свои эпитеты незаслуженно: «очень хорошая женщина», «женщина редких добродетелей» и «превосходнейший человек» скрывают героев с прямо противоположными характеристиками. Не забываем, что «превосходнейший человек», «женщина редких добродетелей» — это говорится в адрес столоначальника в сенате и жены квартального офицера. То есть в адрес людей, от равнодушия коллег которых впоследствии Акакий и «претерпел».

Литературовед Михаил Вайскопф обращает внимание на то, что в сцене, которую исследователи принимают за сцену крещения, у Акакия Башмачкина нет живых родителей: «Отец «был», а мать «покойница»²⁶.

Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина²⁷.

Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уже если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий²⁸.

И если эпитет «покойница» можно принять, поскольку автор рассказывает о рождении Акакия Башмачкина спустя много лет и матери героя к этому времени могло бы не быть в живых (в отношении благочистой матери, покинувшей до срока этот мир, уместнее было бы сказать «светлой памяти» или «Царствия ей Небесного»), однако Гоголь просто пишет «старуха» и «покойница», вызывая у нас при этом ряд отрицательных коннотаций), но по отношению к отцу Акакия его матушка явно говорит в прошедшем времени: «Отец был».

Сцена «крещения» Акакия действительно довольно примечательна хотя бы тем, что здесь полностью отсутствует описание таинства, священник даже не упоминается, мать Акакия «удобно расположилась» (где? В храме?), да и дискуссия по поводу выбора имени в ходе таинства не предполагается, в любом случае без участия священника представить ее довольно трудно.

²⁶ М. Вайскопф, *Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст*, Радикс, Москва 1993.

²⁷ Н.В. Гоголь, *Петербургские повести*, Советская Россия, Москва 1978, с. 127.

²⁸ Там же.

Несмотря на то, что исследователь Владислав Кривонос в доказательство того факта, что в повести «крещальное таинство совершается в соответствии с установленным ритуалом, требующим присутствия священника»²⁹ справедливо приводит выдержку из черновой редакции *Шинели*, где видно, что мать Акакия посылает за приходским священником, нельзя принять этот черновой фрагмент во внимание, поскольку до окончательной редакции сцены выбора имени священник так и не добрался, а мы анализируем текст повести Гоголя *Шинель*, а не какой-то другой текст «по мотивам повести Гоголя», где, если за священником посылают, то присутствие его всеми предполагается, а если ребенок заплакал, то мы должны предположить, что это случилось исключительно по причине того, что его окунули в купель.

Сцена «крещения» Акакия ничего не говорит нам о его «благочистивых» родителях, скорее наоборот: автор сеет сомнения в наличии у них хоть каких-то добродетелей, намекает на «подлое» происхождение всего рода от непонятно как затесавшегося к ним башмака. Наречение же героя Акакием Акакиевичем говорит скорее не о его высшем жребии, поскольку согласно святкам предназначением свыше было бы для него имя Моккия, Сессия, или Хоздазат. Башмачкина назвали именем отца, что говорит более о равнодушии к его судьбе, чем о действительном предназначении свыше.

В. Должен имитировать «уход из мира».

Примеров «ухода из мира» Акакия Башмачкина в повести более, чем достаточно. Задачей является объяснить, почему это не «уход», а имитация ухода: «Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье...»³⁰. Для Башмачкина «казалось» ничего не существовало, подчеркивает автор, и тут же переходит к вопросу об одежде.

Эскапизм героя, его погружение в процесс переписывания, от которого он получал удовольствие и от которого его трудно было оторвать:

²⁹ В.Ш. Кривонос, *Бедный Акакий Акакиевич (об идеологических подходах к «Шинели» Гоголя)*, «Вопросы литературы» 2004, №6, с. 150.

³⁰ Н.В. Гоголь, *Петербургские повести...*, с. 130.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы³¹.

Эскапизм героя «как бы» защищал его до определенного времени от воздействия внешнего мира. Акакий не заботился о изменении своего социального статуса, его не волновали насмешки коллег, не заботило качество пищи, отсутствие контакта с родственниками и знакомыми. Однако от петербургского сырого холода с пронзительным северным ветром погружение во внутренний мир, сокрытый, кстати, от нас совершенно всезнающим автором, спасти совершенно не могло. И здесь очевидна прямая антитеза к житию святого, который с видимой легкостью переносит любые физические страдания, в том числе и холод, уповая на Бога и получая его помощь и защиту. Обращение к Богу помогло нечувствительно перенести ночь на льду озера, к примеру, сорока Севастийским мученикам³², а святому мученику Виленскому Евстафию³³ выдержать пытку утопления в холодной воде. Акакий Башмачкин же не готов к таким подвигам, у него нет «оружия» против подобного рода страданий. Он готов не обращать внимания на внешний мир ровно до тех пор, пока этот внешний мир не начинал приносить ему определенный дискомфорт.

«Аскеза» и «уход от мира» Акакия — это очередной сарказм Гоголя. Акакий не умирает от голода, у него есть какой-то род прислуги, он ходит на службу, включен, хотя внешне в них и не заинтересован, в социальные отношения, он получает жалование, занимается только такой работой, которая ему самому нравится. Автор нигде, ни разу не дает намека, что Акакий недоволен своей жизнью или как-то страдает и старается ее переменить. Нет, напротив: представляя собой прекрасный образец дауншифтера XIX века, Акакий живет так, как он хочет и по установленным им самим правилам, игнорируя внешний мир тогда, когда ему этого хочется. Нам кажется, что Башмачкин страдает от такой жизни, потому что такое существование на

³¹ Там же.

³² *О святых Севастийских мучениках*, <http://www.pravoslavie.ru/1661.html> (01.05.2018).

³³ *Православный календарь, Святые мученики Виленские*, <https://days.pravoslavie.ru/Life/life6441.htm> (01.05.2018).

первой ступеньке служебной лестницы нам кажется чем-то неестественным, при этом мы забываем спросить Башмачкина, а чем он в своей жизни не доволен? И выясняется, что он доволен всем.

К еще одной имитации ухода от мира необходимо присовокупить и «обет безбрачия» предполагаемого святого. Мы привыкли считать Акакия «иноком», не знакомым с женским полом, однако автор оговаривается и мне бы хотелось еще раз заострить внимание на этом отрывке: «И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки»³⁴. Каким образом шурин Акакия Башмачкина, то есть брат жены, мог носить ту же фамилию, что и главный герой, не понятно, однако автор упоминает этого «шурин» вовсе не просто «для пущего комического эффекта», Гоголь ничего не делает «просто», автор показывает нам, что история жизни Акакия Башмачкина, приведшая его к теперешнему состоянию, далеко не так проста, и нам эта история совершенно неизвестна.

Истинный же смысл «ухода от мира», так называемого «иночества» Акакия Башмачкина, в его действительном безразличии к людям в то время, когда заслуга иноков для общества заключается в непрестанной творимой ими молитве о церкви и христианах — живых и мертвых. Говоря словами святителя Феофана Затворника: «Иноки — это жертва Богу от общества, которое, предавая их Богу, из них составляет себе ограду»³⁵. Никакой «ограды» для общества Акакий из себя не представляет, его эскапизм имеет целью исключительно создание максимального личного комфорта при минимальных трудозатратах.

С. Должен под личиной «боголюбия» скрывать свое безбожие.

«Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул «ух!» и перекрестился»³⁶. Это почти единственный эпизод, когда мы понимаем, что Акакий Башмачкин действительно христианин. Подробно описывая быт и злоключения своего героя, Гоголь полностью исключает любое упоминание о его религиозности или отношении

³⁴ Н.В. Гоголь. *Петербургские повести...*, с. 127.

³⁵ Святитель Феофан Затворник, *Начертание христианского нравоведения*, https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravovoucheniya/5 (02.05.2018).

³⁶ Н.В. Гоголь. *Петербургские повести...*, с. 139.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

к церкви. Мы не видим его духовной жизни, участия в религиозных праздниках, он не ходит в церковь, он не совершает молитв, в суете имени Бога не поминает и надо заметить, что описание быта русского чиновника позапрошлого века, из которого исключены все признаки присутствия церкви, не могли быть случайными, настолько православный календарь, годичный цикл праздников, обрядов, был характерен для того общества. И в самых страшных своих испытаниях, когда имя Бога срывается с губ христианина непроизвольно, Башмачкин молчит. У Бога он не просит помощи, он обращается выше, к «значительному лицу». Для святого такие качества как «кротость», «незлобливость», «смирение», «книжность» и «аскеза», которые внешне проявляет и Акакий Башмачкин, это инструменты служения Богу. Акакий Башмачкин же скрывает за книжностью занятия каллиграфией, за аскезой — неряшливость и неприязнательность к бытовым условиям, за кротостью и смирением — отсутствие интереса к внешнему миру, за якобы послушанием — упорное нежелание заниматься чем-то другим, кроме каллиграфических упражнений. Посмотрите, как Башмачкин решительно отказывается от сложной работы:

Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать³⁷.

Никакого «послушания» здесь нет и в помине.

Д. Герой антижития обладает такими чертами характера, как «немиловитость», гордыня (ярость), алчность, злоба, внутреннее уродство.

Первый и последний раз Акакий Башмачкин показывает свое истинное отношение к коллегам-чиновникам в эпизоде встречи со «значительным лицом»:

Но, ваше превосходительство, — сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, — я ваше пре-

³⁷ Там же, с. 130.

восходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ...³⁸.

Этот эпизод очень напоминает рассказ из жизни преподобного Аввы Дорофея, который пожелал встретиться с молодым монахом, прославившимся в монастыре своими смирением и послушанием:

Он никогда не гневался, никогда не возмущался, никогда не возражал, когда его порочили или унижали. И Дорофей, который был опытен в духовной жизни, не поверил; он вызвал этого монаха и спросил: «Каким это образом, при всей твоей молодости, ты достиг такого совершенства, что когда тебя порочат, унижают, оскорбляют, ты никогда не возмущаешься?» И этот молодой монах ответил: «Что мне возмущаться, когда какие-то псы на меня лают?»³⁹.

Равнодушие Акакия Башмачкина к окружающему миру, принятое читателями за смирение, оказалось смирением ложным. Его духовное состояние больше напоминает состояние гордыни, то есть совершенной свободы от человеческого мнения. Суждение коллег и начальства Башмачкин игнорировал точно так же, как и возможное существование родственников, друзей детства, товарищей по университету, и, повторяюсь, занимался исключительно своей любимой каллиграфией, в которой видел глубокий смысл, при этом сам был себе учителем, поклонником, сам был себе мерилom и собственным судьей. Это состояние предельного, замкнутого одиночества митрополит Сурожский Антоний назвал состоянием: «...когда у человека больше нет Бога и нет суда вне его самого»⁴⁰.

Е. Заклучает договор с дьяволом и поклоняется ему как Богу.

При такой немереной гордыне Акакий Башмачкин может поклоняться только самому себе. Он действительно заключает договор с самим собой и накладывает на себя ряд ограничений, которые помогут ему получить шинель, чтобы защититься от холода, при этом не прибегая к чьей-либо помощи:

Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыклось и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался

³⁸ Там же, с. 151.

³⁹ Митрополит Сурожский Антоний, *Человек перед Богом*, http://www.mitras.ru/pered2/pb_231.htm#2 (01.05.2018).

⁴⁰ Там же.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один⁴¹.

Поклоняется ли Башмачкин новой шинели? Безусловно, нет. Поклоняется ли он себе в новой шинели? Это предположение больше похоже на правду. Хотя бы потому, что в антимире, созданным Гоголем специально для Башмачкина, некому больше поклоняться. Где нет места Богу, там не будет места и дьяволу.

Г. После его смерти от его могилы должен исходить смрад (вместо благоухания).

Умирает Акакий Башмачкин страшно — в бреду, сквернословя, без последнего причастия. Более того — как мы ничего не знаем о том, как крестили Акакия Башмачкина, так мы ничего не знаем о том, как его отпевали. Ситуация в отношении святого, блаженного, юродивого, любого христианина просто немыслимая. Но вполне допустимая, если речь идет о герое антижития.

Автор сухо сообщает нам, что от Башмачкина осталось очень немного наследства: «...пучок гусиных перьев, десь белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот»⁴², — а потом добавляет: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было»⁴³. Это «как будто бы никогда не было» резко противоречит критериям канонизации христианских святых, одним из которых является наличие нетленных останков, и еще раз показывает, что Акакий Башмачкин является героем антижития — от него осталось так мало, как будто его вообще никогда не было.

Наконец, вместо благоухания от героя антижития должен исходить смрад:

Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но

⁴¹ Н.В. Гоголь. *Петербургские повести...*, с. 139.

⁴² Там же, с. 152.

⁴³ Там же.

ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою...⁴⁴.

Здесь комментарии излишни.

Г. Вместо чудес, присущих святым, должен совершать злодеяния.

Мертвый Башмачкин не совершает посмертных подвигов. Только злодеяния. И они не могут трактоваться нами ни как возмездие «значительному лицу», ни как месть социальной системе, не способной оградить граждан от бытового криминала. Мертвый Башмачкин чинит на улицах ночного Петербурга банальный грабеж и терроризирует граждан:

Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем⁴⁵.

Нам остается ответить на вопрос, а зачем мертвому Башмачкину шинель? Не слишком ли жарко ему будет в генеральской шинели «значительного лица» в тех местах, куда он, несомненно, направляется? Упорство покойника не кажется таким уж абсурдным, если мы помним, что это герой антижитийный, то есть он должен зеркально повторять за святым все, что тот делает и после смерти, но делать это наоборот. И если делатель послушания Акакий Синайский и после смерти лежит и ждет приказа старца умереть, то и у Акакия Башмачкина после смерти нашлось одно неисполненное дело — ему надо вернуть шинель, потому что и после смерти он продолжает служить только самому себе, своей страсти.

5.

Убедившись в полном совпадении построения структуры художественного образа Акакия Башмачкина со структурой образа героя антижития, предложенной Людмилой Черной, давайте наконец разберемся с «житийной» символикой имени гоголев-

⁴⁴ Там же, с. 156.

⁴⁵ Там же, с. 153.

ского персонажа. Литературовед Петр Палиевский выдвинул предположение, что имя и отчество Акакия Башмачкина связано прежде всего с «акакией» (греч. *ἀκασία*) — так назывался мешочек праха, пыли (символ бренности, ничтожности земного), который находился в руках византийского императора вместе с «державой», символом земной власти⁴⁶. Этот последний аргумент рассыпает образ Акакия святого, блаженного, юродивого в прах. Акакий-мученик буквально протекает у исследователей между пальцами.

Николай Гоголь при написании *Шинели* использует жанр антижития не для создания пародии на произведения патристической литературы. И здесь приставка «анти» (антимир, антигерой, антижитие) не означает против, а показывает максимальное удаление литературного мира от мира реального. Гоголь использует структуру антижития, чтобы создать иную культурную реальность — мир изнаночный, антимир: «Мир перевернутый, реально невозможный, абсурдный, дурацкий»⁴⁷. Законы этого мира резко противоречат нашему миру, в нем нет Бога и дьявола, антимир живет по своим моральным законам, поэтому искать в *Шинели* какой-то намек на религиозный смысл тоже напрасно. В антимире, созданном Гоголем, вообще нет места церкви. Однако открытого противостояния «святой–антисвятой» Гоголь старается избежать, поэтому черты антигероя так неуловимы.

Находясь на самом пике своего творчества, Николай Гоголь создает совершенный по своей сложности антитекст, задачей которого является поиск ответа на вопрос: способен ли герой с определенным набором качеств выжить при заданных обстоятельствах. Задача решалась исключительно художественными средствами, поскольку в реальной жизни, все мы помним, ситуация имела банальную развязку: реальный прототип Акакия Башмачкина — бедный чиновник, копивший на ружье и потерявший его в первый день охоты, — так убивался, что коллеги быстро собрали нужную сумму и вернули ему потерянное сокровище. А сам Николай Васильевич, страдавший от лютого мороза, не копил необходимую сумму по копейке голодая, а просто в одном

⁴⁶ П.В. Палиевский, *Пушкин в движении европейского сознания // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов*, Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской Академии наук, Москва 2002, с. 125.

⁴⁷ Д.С. Лихачев, *Смех в Древней Руси...*, с. 14.

из своих писем слезно попросил денег у матери, при чем именно 150 рублей, потом снизил сумму до 80 рублей, и эти суммы навсегда врезались в его память:

Вы пишете маминька, что не получаете от меня письма за прошлый месяц; но я в конце мая писал к вам, извещая об заблаговременной присылке мне полтораста - 150 руб., потому что я хотел сделать себе и шинель. Но теперь вижу, что она мне в лето не понадобится, а лучше сделать ее к зиме, и потому теперь мне нужно не более 80 рублей для сделки платья летнего, которого у меня совершенно нет⁴⁸.

Только на первый взгляд кажется, что: «Идеал Гоголя странный: в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство»⁴⁹, — но все странности исчезают если осознать, что идеалом Гоголя является творчество, и если для решения творческой задачи Гоголю-христианину предстоит написать «антижитие», или историю о том, как черт украл месяц с неба, или как семинарист боролся с ведьмой, Николай Васильевич эту задачу блестяще выполнит, отставляя свои личные религиозные переживания «в подкладке». Об этой особенности творческого метода Гоголя пишет и Юрий Манн: «...персонажи и события как бы существуют в своей собственной сфере, по ту сторону авторского сознания»⁵⁰, — поэтому искать в *Шинели* агиографические мотивы только на том основании, что мы твердо знаем, что Гоголь читал *Лествицу*, посещал церковь и регулярно постился, бессмысленно.

В тексте повести Николая Гоголя *Шинель* нет ни религиозного, ни антирелигиозного смысла, полностью отсутствуют житийные мотивы, любое сходство жизнеописания Акакия Башмачкина с житиями святых является надуманным и не находит своего подтверждения при анализе текста повести. Жанр антижития был выбран автором исключительно в целях наиболее эффективной реализации творческой задачи, которая и была блестяще выполнена.

В заключении хочется еще раз вернуться к предисловию к *Службе кабаку* в списке XVIII в., которое словно писалось для сторонников актуальных интерпретаций произведений классической литературы: «Увеселительное аще и возмнит кто приме-

⁴⁸ Н.В. Гоголь, *Письма 1820–1835 гг.*, http://rulibrary.ru/gogol/pisma_1820-1835_godov/30 (02.05.2018).

⁴⁹ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений*, Наука, Ленинград 1985, т. 24, с. 303.

⁵⁰ Ю. Манн, *Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою»*, «Вопросы литературы» 2002, № 4, <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/mann-pr.html> (11.05.2018).

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

НИТИ КОЩУНСТВУ, И ОТ СЕГО СОВЕШЬ ЕГО, НЕМОЩНА СУЩИ, СМУЩАЕТСЯ, ТАКОВЫЙ ДА НЕ ПОНУЖДАЕТСЯ К ЧИТАНИЮ, НО ДА ОСТАВИТ МОГУЩЕМУ И ЧИТАТИ И ПОЛЗОВАТИСЯ»⁵¹.

Walerij Sklarow

МОТИВЫ ANTYHAGIOGRAFICZNE W POWIEŚCI NIKOŁAJA GOGOLA *PLASZCZ*

Streszczenie

W artykule poświęconym opowieści Nikołaja Gogola *Plaszcz* weryfikowana jest hipoteza Fredericka Christoffela Driessena, Klause-Dietera Seemanna, Michaiła Dunajewa, Walentyny Wietłowskiej, Cinzia De Lotto, Pawła Buharkina, Aleksandra Piwowarowa i innych o obecności w tym dziele hagiograficznych motywów i religijnego sensu. Powołując się w swojej analizie tekstu na metodę Ludmily Czernoj, autor artykułu dochodzi do wniosku, że powieść nie posiada typowych cech charakterystycznych dla opisów żywotów świętych, jak sądzi wielu badaczy tekstów Gogola — uważa, że jest wręcz odwrotnie. Badając charakter rozwoju gatunku antyhagiografijnego w literaturze rosyjskiej, autor dochodzi do wniosku, że Nikołaj Gogol wykorzystuje strukturę antyhagiografijną w celu budowania antytekstu i tworzenia innej kulturowej rzeczywistości — antyświata, który pomaga mu rozwiązać założony literacki cel. Zdaniem autora powieść Gogola *Plaszcz* nie ma żadnego religijnego sensu, a motywy żywotów świętych mają w powieści inne funkcje niż wskazywane w literaturze przedmiotu.

Valeryi Sklyarov

THE OPPOSITE HAGIOGRAPHY IN THE NIKOLAI GOGOL'S STORY *THE OVERCOAT*

Summary

In the article based on the Nikolai Gogol's *The Overcoat* are being verified the hypotheses of Frederick Christoffel Driessen, Klaus-Dieter Seemann, Michail Dunayev, Valentina Vetlovskaya, Cinzia De Lotto, Pavel Buharkin, Aleksandr Pivovarov and others about the actual presence of hagiographic motifs and a religious sense in the story. After analyzing the text based on the methodology of the researcher Ludmila Chernaya, the author concludes that the story isn't providing the typical genre based on the descriptions of a saint's life as has been suggested by many researchers before, but is actually the opposite of the genre. This brings out the genre in Russian literature — «the anti-life». Exploring development of this genre in Russian literature, the author concludes that Gogol uses this structure in order to build and create a different cultural reality — “anti-world”, which helps him to solve a certain literary goal. According to the author, in Gogol's story *The Overcoat* there is no religious meaning. Signs of typical for hagiography descriptions of a saint's life have different functions than scholars have found in the Gogol's story.

⁵¹ Д.С. Лихачев, *Смех в Древней Руси...*, с. 21.